

Беспомощность и отчаяние.

Казалось, такие простые понятия, знакомые ощущения - в них не было чего-то, что требовалось пояснять, их холодная, леденящая душу прозрачность была понятна и без лишних слов... Однако, как показала практика, Ойв никогда не чувствовал чего-то подобного. По крайней мере с такой силой.

Внутри всё словно оборвалось, с треском лопнуло нечто важное, разливаясь по внутренностям обжигаяще холодным огнём, и застыло беспокойной, пожирающей способность мыслить субстанцией. Механик понял, что удача не улыбается дважды.

Он успел - спустил курок, крюк взметнулся в воздух!.. И ничего: звука попадания не последовало, верёвка, вновь выпущенная наугад, в этот раз не смогла зацепиться...

Что б её...

Нет, Ойв не хотел думать, что это конец! Он обязательно выживет, найдёт Кою, и они вместе выберутся отсюда! Он обещал, что с детьми ничего не случится! Он должен сдержать обещание...

Парень с трудом сглотнул ком в горле и дрожащей рукой дёрнул верёвку назад, питая призрачную надежду попытаться счастье ещё раз, но уже через мгновение периферия зрения померкла, и заменивший туман густой смог, бывший, казалось, ещё так далеко, вдруг заполнил всё вокруг, мешая дышать. Раздался хруст, а ещё - оглушающий звук, словно лопнула струна, и механик почувствовал резкую боль, будто его разом огрели сотней влажных хлыстов.

Он ударился и провалился ниже, и снова тот же звук, снова вниз... Всё смешалось, в глазах темнело, только откуда-то сверху пробивался слабенький свет. Ойв попытался схватиться за материал, что так немилосердно рвался под ним, хлестал по лицу, телу, ногам и рукам, но неожиданно понял - падение прекратилось.

Каждая клеточка тела ныла от боли, настойчиво прося воздуха и воды, а лучше - лекарственных трав или сразу сильного яда, но теперь в ушах отдавалось только его собственное хриплое дыхание и биение сердца, отчаянно гоняющего кровь. Стихло завывание ветра в ушах, пропал хруст лопавшейся под механиком ткани - теперь Ойв лежал на этом материале, распластавшись, как раздавленная муха по стеклу, и к нему медленно возвращались основные чувства.

Он провёл рукой по холодной плёнке, ощупал гладкую и скользкую, поддающуюся нажатию, но довольно упругую поверхность. Затем вернулось обоняние, оглушив смрадом гнили и застоялой сырости настолько, что парень резко сел, согнувшись пополам и зажав ладонью рот, чтобы не выпустить наружу завтрак, который мог ещё понадобиться его организму. Хотя какая теперь была разница...

Под действием ужасного запаха сознание мгновенно прояснилось, и механик понял, что окружающая темнота не была следствием оглушения или иных увечий: глаза медленно привыкали к ней, и среди сплошного черного цвета начинали проступать очертания: силуэты ветвей, нитей, лиан, птиц, зверьков, существ... их скелетов, обтянутых тонкой склизкой плёнкой, мокро мерцающей своей тёмной поверхностью в льющихся сверху бледных лучах.

Ойв, покачиваясь, медленно поднялся на ноги и тут же, чертыхнувшись, упал на четвереньки. Больно не было, ведь он находился на некотором подобии батута, который проминался под тяжестью тела и рвался, если его касались чем-то острым, но в остальном же был достаточно

упругим и относительно прочным. При желании по нему можно было без труда передвигаться - дело оставалось только за тем, чтобы привыкнуть в такой "земле", дабы продвинуться дальше.

Едва ли тяга к исследованию когда-то спасала Ойву жизнь, а в свете последних событий и вовсе наоборот, но сейчас, в данный момент, она дала небольшую передышку. Увлёкшись чем-то, механик выровнял дыхание, абстрагировался от окружения, позволил себе успокоиться, забыть, что он по уши увяз в неприятностях, отвлечься хотя бы на пару минут, сосредоточившись на изучении нового окружения...

Быть может, только благодаря этому он и остался в сознании, а, возможно, лучше бы он его потерял, потому что когда Ойв вновь поднял взгляд от созерцания мелких поблёскивающих при прикосновении спор, облепивших скелет крысы, сердце опять, в который раз, надсадно рванулось, а кровь в жилах будто превратилась в лёд.

Как ни старался, он не мог объяснить даже самому себе, что за существо вдруг предстало перед его взглядом.

Оно четырёхметровой грудой возвышалось посреди «гнезда», расстилавшегося вокруг бесконечной вереницей костей и отвратительно пахнущих нитей, и легко сошло бы за часть всех остальных неодушевлённых декораций, если бы не плавные, перетекающие движения его желеобразного тельца, изредка сменяющиеся резкими подёргиваниями, как дёргаются бессознательно лапки убитых насекомых.

Существо издавало булькающие, рычащие звуки, походящие скорее на клокотание воды в чайнике или на захлёбывающиеся вдохи удушаемого человека, чем на животный рёв, вернее - рёв какого-либо из известных науке животных, реально существующих, а не сошедших со страниц среднестатистического ужастика.

Оно двигалось по раз за разом всё сильнее сужающемуся кругу, вопреки логике почти незаметно перебирая своими мохнатыми паучьими ногами, каждая из которых, выпрямившись, могла спокойно перешагнуть большую часть домов на Дереве, и оставляло за собой клейкий чёрный след, кристаллизующийся плотной полупрозрачной коркой.

Ойв зачарованно следил за ним, не в силах пошевелиться. Хоть он и сумел подняться, ноги его словно приросли к "паутине", а мускулы окончательно окаменели, не давая ему сдвинуться с места. Только глаза продолжали неустанно работать, ловя каждый всполох щупалец, или, вернее - ложноножек, и слух, напрягаемый до боли, внимал каждому лопавшемуся пузырьку на желеобразном теле монстра, утробно порывающегося в предвкушении сытного обеда.

Грудь будто сдавило в тисках механического пресса, и дыхание замерло, когда парень осознал - за ним тоже следят, хотя отчасти он понимал это с того самого момента, как взглянул на непознанное нечто.

Попав под скудный солнечный свет, тварь мелко задрожала, а два углубления, в которых находились её глаза, вдавились внутрь. Ойв панически втянул в себя воздух, почти ощутимо запахший угрозой, этот звук эхом отразился от стен, и ещё на мгновение всё замерло, после чего "амёба" с оглушающим визгом, подобным звуку паровой машины, кинулась вперёд.

Механик с неожиданной для себя громкостью издал оглушительный крик ужаса, срывая голосовые связки, но на тварь это не возымело никакого эффекта. Сделав несколько быстрых шагов назад, он оступился, и, с громким лязгом металла пускового устройства о нечто, напоминающее камень, прочертив рукой по гладкой, покрытой совсем свежей слизью стене, рванулся бегом в обратную сторону от монстра.

Может, поворачиваться спиной к противнику было и не самой лучшей идеей, но по крайней мере механик надеялся, что в такой момент ноги его не подведут. Зря.

Шаг. Ещё один. И оно уже здесь.

Жертва была загнана и уже не могла ни о чём думать, что дало хищнику право издать победный, разрывающий барабанные перепонки, вой, прежде чем приступить к трапезе.

Всё, это конец - окончательный и бесповоротный.

Ойв даже не вспомнил о том, что у него в кармане есть нож, и наверняка бутылёк кислоты, и бог знает, что ещё... Да даже если бы эти знания не утонули в омерзительном ощущении близости собирающейся сожрать его туши, он уже ничего не смог бы изменить.

Чтобы достать необходимое, нужно время.

Чтобы понять, что делать - тоже нужно время.

Чтобы развернуться лицом к противнику - а как же иначе...

А времени нет.

Его было даже меньше, чем в тот момент, когда падал Коя, или когда Ойв сам летел вниз, и каждая напрасно потраченная секунда неумолимо приближала трагический финал его никчёмной жизни.

Всё, что механик мог сделать, это схватиться за карманный нож, до этого болтающийся на поясе и так кстати попавшийся ему под руку, а потом сдавленно выдохнуть, будучи прижатым к земле всем весом ужасающего существа, ощутить, как оно обволакивает своей слизью кожу, которая от этого горит огнём, как сочится кровь, смешиваясь в зловонную жижу - как оно стремительно пожирает его заживо, растворяя в себе...

И вот они, драгоценные секунды, когда разрываемый сигналами о боли мозг может успеть что-нибудь понять. Например, то, что внизу вовсе не земля, что под этой плёнкой наверняка есть ещё что-то. И что даже это неведомое «что-то» лучше, чем навалившийся сверху монстр, потому что хуже уже некуда....

Единственное, до чего Ойв додумался в этот момент - это сжать покрепче раскладной нож и, запоздало вспомнив, что лучше было бы не тревожить повреждённую руку, с силой воткнуть его в плёнку, пробивая её и вспарывая, чтобы снова упасть вниз, оставляя в гнезде наверху клокочущее и воющее чудовище и теперь уже окончательно теряя сознание, проваливаясь в спасительную темноту...

<http://tl.rulate.ru/book/62976/1676775>